

Васильева Инга Борисовна

К ВОПРОСУ О СООТНЕСЕННОСТИ БИОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛА, ГРАММАТИЧЕСКОГО РОДА И ГЕНДЕРА

В статье изучен вопрос о корреляции гендерной дихотомии (женственность / мужественность) с дихотомией грамматического рода в языках (мужской / женский). С критических позиций рассмотрена теория семантического символизма. На материале примеров морфологических классификаций существительных из различных языков доказывается, что биологический детерминизм не является фактором, адекватно объясняющим возникновение категории рода в языке. Следовательно, в современных гендерных исследованиях принципиально важно различать понятия род и гендер и отграничивать оба эти понятия от понятия биологического пола.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/10/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (28). С. 39-44. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Таким образом, можно видеть, что в заявлениях о миссии, размещённых на официальных *web*-сайтах, не только определяются цели производственной или хозяйственной деятельности компании, но и декларируются ценности, которые компания считает приоритетными при достижении своих целей. Эти ценности формируют систему координат контекста для последующих деловых и медиа-коммуникаций организации. Заявление о миссии представляет собой жанр, сочетающий как языковые средства, используемые для описания производственных и хозяйственных целей, так и лексику, синтаксис и риторичность, которые служат для описания аксиологических категорий.

Список литературы

1. Дейк ван Т. А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
2. Евтушенко О. А. Корпоративность: современная характеристика организационной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 5. Ч. 2. С. 69-73.
3. Колтунова М. В. Конвенции как прагматический фактор делового диалогического общения. М.: Акад. гуманитар. исслед., 2005. 228 с.
4. Мильнер Б. З. Теория организации. М.: Инфра-М, 2000. 480 с.
5. Мирошниченко А. А. Когда умрут газеты. М.: Книжный мир, 2011. 224 с.
6. Миссия, взгляды, ценности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.coca-colarussia.ru/company/mission.html> (дата обращения: 21.04.2012).
7. Миссия и стратегия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.normik.ru/about/mission/> (дата обращения: 21.04.2012).
8. Погосян В. А. Заявление о миссии как гибридный речевой жанр // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. № 133. С. 79-93.

MISSION STATEMENT AS GENRE DEFINING CONVENTIONS SYSTEM

Butorina Elena Petrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Russian State University for the Humanities
elenabutorina@yandex.ru

The author discusses some features of the genre of mission statement in the Russian language. This genre combining the tools of formal, business and journalistic styles, defines the context for internal and external organizational communication, and for mass communication when placed on the official website of a company. The context is the basis for all the forms of everyday company or organization communication and sets conventions system.

Key words and phrases: business discourse; media discourse; genre; conventions; mission statement.

УДК 8;81'366.52

Филологические науки

В статье изучен вопрос о корреляции гендерной дихотомии (женственность / мужественность) с дихотомией грамматического рода в языках (мужской / женский). С критических позиций рассмотрена теория семантического символизма. На материале примеров морфологических классификаций существительных из различных языков доказывается, что биологический детерминизм не является фактором, адекватно объясняющим возникновение категории рода в языке. Следовательно, в современных гендерных исследованиях принципиально важно различать понятия род и гендер и отграничивать оба эти понятия от понятия биологического пола.

Ключевые слова и фразы: гендер; мужественность; женственность; гендерная дихотомия; грамматический род; биологический пол; семантический символизм.

Васильева Инга Борисовна, к. филол. н.
Балтийский федеральный университет им. И. Канта
inga_yassilieva@hotmail.com

К ВОПРОСУ О СООТНЕСЕННОСТИ БИОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛА, ГРАММАТИЧЕСКОГО РОДА И ГЕНДЕРА[©]

Одним из важнейших методологических вопросов современных гендерных исследований, вклад в которые вносит и лингвистическая наука, является вопрос об определении понятия «гендер», установлении его содержательных границ, а также преодолении бинарного представления о природе гендера, выраженного в упрощенной дихотомии «мужское / женское».

Наличие противопоставленных гендерных групп (мужчин и женщин), являющихся в обществе носителями характеристик «мужественности» и «женственности», иногда ошибочно обосновывается, с одной стороны, наличием соответствующих контрастных групп грамматической категории рода в языках (мужского и женского), а с другой стороны, наличием двух социальных групп – мужчин и женщин, выделяемых на основании их роли в воспроизведении и воспитании потомства. Практически с самого начала возникновения гендерных исследований дихотомия гендера была обоснована фактами из биологической и лингвистической наук. Однако такое понимание гендерных качеств, игнорируя социокультурную природу гендера, не просто поддерживает, но и усиливает дихотомию.

В связи с этим целью данной статьи является доказать положение о том, что биологический детерминизм не является фактором, адекватно объясняющим возникновение категории рода в языке, а это, в свою очередь, является веским основанием для четкого разграничения понятий биологического пола, грамматического рода и гендера.

Термин «гендер» очень широко используется в последнее время как в академической, так и популярной литературе, и порой складывается впечатление, что он выступает эквивалентом слова «пол» и что, в сущности, «пол» и «гендер» – это идентичные термины, описывающие один и тот же объект [4, р. 127].

Первоначально термин «гендер» был использован в лингвистике, а его конвенционально-терминологическое значение связывалось с грамматическим родом. Впоследствии он был воспринят социальными науками, чтобы потом опять вернуться в лингвистику, но уже в своем новом содержательном качестве. Под новым значением понятия «гендер» понимается конструирование и манифестация свойств культурного, социального и психологического порядка, которые используются членами сообщества с целью воссоздания себя и восприятия других как представителей групп мужчин или женщин. Язык как важнейший элемент культуры играет центральную роль в этом процессе.

Данный термин произошел от латинского «genus», что означает «вид, род», и не имеет ничего общего с биологическим полом. Впервые этот термин возник в лингвистическом описании как грамматическая категория, цель которой – образовать систему для синтаксического согласования языковых единиц [9; 12, р. 66-68]. Из этой системы, которая существовала еще в древнеиндоевропейском языке, современные европейские языки, вероятно, и унаследовали систему рода, которая распространилась не только на существительные, но и на согласующиеся с ним части речи (артикли, прилагательные, местоимения, глаголы).

В принципе, классификацию частей речи по родам можно было бы назвать просто делением на классы и дать им совершенно произвольную маркировку, как, например, «слова 1-го, 2-го или 3-го класса». Этот принцип справедлив и сейчас: лингвисты проводят различие между *классами* существительных, если в системе их классификации не учитывается фактор пола и одушевленности, и *родами*, если система классификации проводится по принципу пола и одушевленности [6].

Однако благодаря антропоцентричности языка классификация на мужской, женский и средний роды возникает в лингвистическом описании довольно рано. Термины «мужской» род и «женский» род возникли уже в античный период, когда началось осмысление категорий биологического пола и грамматического рода. С. Ромейн пишет, что в V веке Протагор разделял существительные в древнегреческом языке на две группы, которые назвал «мужской» и «женский» род. Он был настолько убежден, что именно пол лежит в основе классификации, что утверждал: слово *peleks* «шлем» (*f*) не должно относиться к женскому роду и должно поменять свой грамматический род на мужской [12, р. 67].

Таким образом, классификация языковых единиц по морфологическим группам довольно скоро обосновывается таким биологическим явлением, как разделение людей на два пола в зависимости от их репродуктивной функции. Этот взгляд, известный как *семантический символизм*, долгое время являлся практически единственной теорией, объясняющей возникновение в языках грамматического рода.

Теория семантического символизма поддерживалась такими влиятельными лингвистами, как В. Гумбольдт и Я. Гримм, что, безусловно, предопределило ее длительное доминирование в науке [3, с. 32]. Так, Я. Гримм рассматривал классификацию существительных по родам как своеобразное метафорическое распространение пола на окружающий человека мир и утверждал, что грамматический род – это «результат сексуализированного воображения —*аших* примитивных предков» [Цит. по: 10, р. 240]. Более того, он приписывал стереотипные мужские и женские характеристики существительным, соответственно, мужского и женского рода. По его мнению, существительные мужского рода считаются, по сравнению с существительными женского рода, *более ранними, большего размера, более твердыми, более несгибаемыми / сопротивляющимися, более быстрыми, более активными, более подвижными, более творческими*; в то время как существительные женского рода считаются, соответственно, *более поздними, меньшего размера, более мягкими, более тихими, более пассивными* [Цит. по: 11, р. 3868; 12, р. 67].

Данная далеко не беспристрастная точка зрения была связана с общим интересом исследователей XIX века к мифологическим и в целом культурным представлениям древних носителей языка. Однако данная концепция не отрицается и современными исследователями.

Хотя существовали и другие теории о возникновении категории грамматического рода [10], они оказались во времена Я. Гримма менее влиятельными по объективным причинам: еще не хватало знаний обосновать их доказательство. Так, современник Я. Гримма К. Бругманн показал, что в индоевропейском языке существительные женского рода (с основой на *ā* и *ī*) первоначально были собирательными и абстрактными существительными. Другими словами, он подчеркивал, что причины отнесения существительного к тому

или иному роду, возможно, следует искать не в биологических факторах, а в глубинной когнитивной связи семантики существительного и категориальности значения, которым обладает род. Современные лингвисты-когнитологи продолжают эту линию исследования, основываясь на анализе, проведенном Бругманном и развитым его последователями.

Теория Я. Гримма, непосредственно и непроблематично связывающая «мифологизированный» пол и категорию рода в языке, хотя и долго господствовала в языкознании, все же не является адекватным объяснением. «Естественный», по словам Я. Гримма, перенос биологических качеств на окружающий мир не может являться универсальным принципом, так как Гримм основывал свои выводы исключительно на примерах, заимствованных из европейских языков.

Я. Гримм рассматривал европейские языки по той причине, что другие языки, в которых отсутствовал род в его привычном «европейском» понимании, считались находящимися в состоянии упадка и поэтому были просто проигнорированы. Такой взгляд вполне согласовывался с господствующим в то время положением о превосходстве европейской культуры и, соответственно, европейских языков.

Проявления рода в европейских языках широко известны, и применительно к ним теория Я. Гримма может показаться привлекательной, ведь язык действительно антропоцентричен, и не удивительно, что в нем находят отражение факты взаимодействия человека с окружающим миром. В конце концов все созданные человеком классификации строятся на выявлении признаков сходства и различия изучаемых объектов. Более того, при описании существительных с различными морфологическими свойствами была использована широко распространенная аналогия, основанная на дихотомии: разделение всех людей на мужчин и женщин.

Без сомнения, классификации, основанные на признаке пола, встречаются действительно часто. Но чтобы понять, что на самом деле прямая связь между грамматическим родом и биологическим полом отсутствует, необходимо выйти за рамки европейских языков и посмотреть, какие критерии распределения по родам используют различные языки мира.

Рассматривая проявление рода в других языках, начнем с положения, что, действительно, многие языки используют классификацию существительных по принципу биологического пола [9]. Например, такая прямая классификация существительных по родам обнаруживается в языках Дизи (*Dizi*) (юго-восточная Эфиопия), Кала Лаго Я (*Kala Lagow Ya*) (Австралия, западные острова в районе Пролива Торреса) [12, р. 71] и Дийари (*Diyari*) (около десятка говорящих на нем живут около озера Эйре на севере штата Южная Австралия) [5]. В этих языках существует только два рода, мужской и женский, и в основе отнесения существительных к одному из родов лежит биологический признак, выраженный в двух противоположных тенденциях. Так, в языке Дизи к женскому роду относятся существительные одушевленные и называющие лиц женского пола, а также существительные, отличительным признаком которых является маленький размер (так называемые «уменьшительные»). Остальные относятся к категории мужского рода. В языке Дийари принцип распределения существительных по родам действует следующим образом: существительные с референтом женского пола (женщины, девочки, животные женского пола и т.д.) выделяются в одну группу, а все оставшиеся существительные оказываются в другой группе. Следовательно, большинство существительных относится к мужскому роду. А в языке Кала Лаго Я, напротив, существительные, обозначающие лиц мужского пола, выделяются в отдельный род, а остальные, соответственно, – в другой. Поэтому большинство существительных относится к женскому роду. Корбетт называет такие классификации «дефолтными», потому что их общий принцип состоит в том, что «по умолчанию» («by default») выделяется небольшая группа существительных, а все оставшиеся автоматически относятся к другой группе [Ibidem].

Но биологический критерий – далеко не единственный и тем более не универсальный принцип классификации. Кроме классификаций по параметру пола (мужской vs. женский), существуют также классификации по параметру одушевленности (одушевленный vs. неодушевленный), очеловеченности (человеческое vs. нечеловеческое существо) [8, р. 19; 12, р. 71].

Рассмотрим некоторые примеры языков, в которых классификации существительных совершенно не учитывают биологический признак.

Антрополог М. Р. Ки прокомментировала язык ацтеков, который не имеет в своей грамматической системе мужского и женского рода. Она отмечает, что система личных местоимений языка ацтеков в единственном числе имеет формы: *nejua*, *tejua*, *uejua*, что означает соответственно «я», «ты» и третье лицо, единственное число, одушевленное. Это третье местоимение невозможно перевести на английский язык (на котором пишет М. Р. Ки), потому что это не «он» (*he*) и не «она» (*she*) и не неодушевленный предмет (*it*). М. Р. Ки полагает, что такая система местоимений сложилась под влиянием древних верований ацтеков, а именно того, как они представляли происхождение своего народа. Они верили, что весь мир и живущие в нем люди произошли от единого Бога, олицетворяющего единый принцип с двойственной природой. Это высшее существо имело и мужское и женское «лицо», и его динамическая сущность была одновременно и мужской и женской. Это Божество, имеющее двойственную сущность, называлось Ометеотль (*Ometeotl* – происходит от *Ome* «два» и *teotl* «Бог») [8, р. 20].

Другой пример такого рода содержится в языке Дийрбал (*Dyirbal*), на котором говорят австралийские аборигены в провинции Северный Квинсленд (более подробно об этом см. [9; 12, р. 72]). В нем каждому существительному должен предшествовать классификатор, соотносящий его с одной из четырех категорий: *bayi* (I), *balan* (II), *balam* (III) и *bala* (IV). На первый взгляд, тенденция помещать мужчин и женщин в различные группы здесь сохраняется. Первый класс существительных включает мужчин и животных; второй –

женщин, птиц, воду и огонь; третий – немясную пищу; четвертый – все, что не вошло в первые три класса. Одновременно действует другая универсальная тенденция категоризации помещать в один класс предметы, которые ассоциируются с основными понятиями в каждом классе. Так, например, рыба помещается в первый класс, потому что рассматривается как животное. К этому же классу относятся копыя, удочки и т.д., потому что они ассоциируются с рыбой. Но для того, чтобы понять, почему птицы не относятся к первому классу (как животные и рыбы) и почему женщины не относятся к первому классу (как человеческие существа), одних лишь языковых данных не достаточно, и еще меньше помогут биологические данные. Как и в описанном выше примере из языка ацтеков, необходимо знать верования и культурную специфику австралийских аборигенов. Для аборигенов, говорящих на языке Дийрбал, птицы – это души умерших женщин, следовательно, вместе с ними, относятся ко второму классу. По мифологии аборигенов, луна и солнце – это муж и жена, поэтому луна относится к первому классу существительных (вместе с мужчинами и мужьями), а солнце – ко второму классу (вместе с женщинами и женами) [9, p. 94].

В языке оджибва (Ojibwa), одном из языков индейцев Северной Америки, распределение существительных по родам основано на принципе одушевленности, поэтому они делятся на два рода (еще один пример «дефолтного» рода) – одушевленные и неодушевленные. Однако то, что считается одушевленным в языке оджибва, имеет культурную специфику и отражает картину мира индейцев-носителей языка. В частности, существует тенденция относить к одушевленным те предметы, которые имеют власть над человеком [12, p. 69].

Еще один пример подобной родовой классификации дает язык индейцев Навахо (Navajo) [13]. Язык навахо относится к североамериканским языкам, к языковой семье на-дэне, группе атапаскских языков и является в ней наиболее изученным. С точки зрения европейских языков, он имеет «причудливые формальные свойства» [Ibidem, p. 402]. Дело в том, что в этом языке, как и в других языках данной группы, классификация существительных по роду и числу выражается не в самих существительных и именных словосочетаниях, а в основах глагола: в них содержится информация о существительном. Б. Унтербек, исследуя глаголы языка навахо, выявила в них 12 классифицирующих основ, которые характеризуют существительные по таким базовым признакам, как форма, жесткость / компактность, единственность / множественность и вторичным признакам – таким как размер, наполненность, и т.д. При этом одушевленные существа (живые или мертвые, взрослые или молодые, и даже персонифицированные предметы) оказываются в одной группе. Например, к классу одушевленных объектов относятся: «человек (живой или мертвый), младенец, мужчина, женщина, труп; любое животное (живое или мертвое): муравей, котенок, змея, слон, птица, и т.д.; персонификации: кукла; в мифах также вода, гора, ритуальные предметы» [Ibidem, p. 418].

Сложная классификация существительных встречается также в африканских языках. Крупнейшей группой здесь является группа языков Банту, насчитывающая более 200 млн носителей языка (Нигерия, Чад, Центрально-Африканская Республика, Судан, Эфиопия, Сомали). В языках Банту ученые выделяют до 21 класса существительных, имеющих дистинктивные маркеры [7, p. 673]. И хотя семантическая мотивированность классов в этих языках даже внутри группы очень сложна и варьируется от одного языка к другому, она, судя по количеству групп, явно не основывается на дихотомии «мужское / женское». На самом деле, в основе этой сложной иерархии классов лежит, по мнению ученых, фундаментальное разделение «масса – исчисляемая сущность».

Еще раз подчеркнем, что с грамматической категорией рода дело обстоит намного сложнее, чем представляет теория семантического символизма, и существует чрезвычайно широкий круг вопросов, касающихся категории рода в языках (см., например, [6]).

Особенно интересна в этом отношении работа Э. Лейсс [10]. Она затрагивает вопрос о том, почему род существительных, в отличие от других грамматических категорий, фиксирован и не дает возможности выбора из парадигмы как, например, форма глагола или число и падеж существительного. Основываясь на исследовании К. Бругманна и его последователей, она стремится показать, что в древневерхненемецком категория рода демонстрировала все свойства «нормальной» грамматической категории, и принятие существительным окончаний различного рода было, скорее, правилом, чем исключением. Изменение рода существительного было связано с изменением его семантики. Вот один из примеров такого изменения родовой семантики [Цит. по: Ibidem, p. 239]: в древневерхненемецком окончания *-ā* или *-h* были «женскими», *-s* – «мужским» и *-m* – среднего рода. Таким образом,

hīmā (< himah)	feminine (жен)	зима ⁴
himás	masculine (муж)	холод, мороз ⁴
himam	neuter (сред)	снег ⁴

Этот пример представляет схему того, каким образом разные категории рода дают разную перспективу той сущности, которая коррелирует с категориальным значением существительного: женский род – собирательные существительные (явление – зима), мужской род – исчисляемые существительные (единичный случай явления – мороз), и средний род – существительные, обозначающие вещество (результат явления – снег).

Существуют также исследования психолингвистического плана, которые экспериментально подтверждают сложное взаимное влияние грамматического рода и социокультурных, гендерных факторов на процесс формирования гендерной идентичности носителей определенного языка. Если родной язык, которым овладевают дети, имеет дистинктивно выраженную согласовательную категорию рода, то у детей раньше возникает осознание своей гендерной идентичности. Во время исследования проводилось наблюдение за языковым поведением детей в возрасте от 16 до 42 месяцев, говорящих на иврите, шведском, английском

и финском языках. Выбор языков был не случаен: иврит имеет маркеры рода во всех парадигмах лица и числа, а финский – не имеет родовых различий в системе местоимений. Шведский и английский находятся между этими двумя полюсами, так как в их системе местоимений различают женский и мужской род в 3-м лице единственного числа. Тестирование детей в возрасте от 24 до 34 месяцев показало, что дети, говорящие на иврите, имеют более четкое представление о своем поле, чем дети-носители других рассматриваемых языков. Однако после 36 месяцев картина оказывается иной. Дети, говорящие на других языках, лучше осознают свою гендерную принадлежность. Результат исследования показывает, что хотя грамматический род в языках и оказывает влияние на осознание гендерной идентичности на раннем этапе овладения языком, но все же культурно мотивированные «подсказки» к осмыслению детьми гендерных различий имеют очень большую значимость, даже если их не содержит грамматика языка, которым они овладевают [12, p. 83-84].

После рассмотрения этих примеров остается один вопрос – почему женщины все-таки помещаются в отдельный класс от мужчин, даже в «экзотических» классификациях существительных? В связи с этим необходимо привлечь внимание к еще одной универсальной тенденции, которая, несмотря на культурное разнообразие, «накладывается» на многие классификации, даже не имеющие «явной» категории рода. В этом случае опять действует один из общих принципов категоризации, о котором упоминают Дж. Лейкофф [9, p. 94] и С. Ромейн [12, p. 82]. Суть его состоит в том, что если какие-либо предметы обладают существенными отличиями (например, представляют для человека особую опасность), то они выделяются в отдельную группу: в группу чужаков или «других». Поэтому в языке Дийрбал, хотя рыбы относятся к первому классу, ядовитые рыбы относятся ко второму. Дж. Лейкофф отмечает, что это, вероятно, объясняет, почему в этом языке женщины и мужчины относятся к различным классам, хотя сам он не разделяет этот взгляд [9, p. 100-101]. Однако С. Ромейн считает, что именно по этой причине женщины в языке Дийрбал помещаются во второй класс, отдельно от мужчин, как «другие» и потенциальная угроза мужчинам. Она сравнивает это с тенденцией в английском языке называть ураганы огромной разрушительной силы женскими именами (например, *Katrina, Rita*) и местоимением 3-го лица единственного числа женского рода *she* (она) [12, p. 72-73].

Это явление С. Ромейн назвала «утечкой между грамматическим и естественным родом» (*leakage between grammatical and natural gender*), подчеркивая их неравенство и несовместимость [ibidem, p. 82]. Асимметрия между биологическим полом и грамматическим родом показывает, что некоторые языковые классификации совсем не условны, как это представляется многими грамматистами, а андроцентричны. По этой причине женщины выделяются в отдельный класс, и, кроме того, в языке фиксируются негативные коннотации, связанные с существительными женского рода [2].

Однако другие ученые считают это одним из проявлений общих законов человеческой ментальности: «мужское» семантически сближается со светлым, горячим, правым, высоким, твердым, сухим, хорошим, а «женское» – с темным, холодным, левым, низким, мягким, влажным, плохим [1].

Таким образом, термин «гендер» возник в грамматическом описании в период античности как рефлекс мифологических представлений человека об окружающем мире, и на этом этапе «мужское» и «женское» представляло собой некоторую абстракцию. Но антропоцентричность языка обусловила появление в грамматике таких родовых групп, как «мужской» и «женский», а это, в свою очередь, укрепило семантическую мотивацию соответствующих классов слов, приписав существительным мужского и женского рода типичные качества их представителей.

Вместе с тем для распределения существительных в языках по родам биологический признак является далеко не универсальным, и возникновение категории рода не может быть адекватно объяснено редуктивным биологическим подходом к данной проблеме. Пол является одним из множества разнообразных критериев, используемых языковыми системами. Напротив, культура и наивная картина мира человеческого сообщества, говорящего на определенном языке, а также когнитивные причины представляются значительно более релевантными факторами, объясняющими причины возникновения рода в языке. Таким образом, для исследования грамматической категории рода в языке разграничение понятий «пол», «гендер» и грамматический «род» является принципиальным. Такое разграничение, само по себе продуктивное, предопределяет постановку новых задач и заставляет исследователей выйти за рамки референтной дихотомии «мужское / женское».

Список литературы

1. **Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.** Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.: Наука, 1965. 251 с.
2. **Ивыгина А. А.** Наименование лиц женского пола в русских говорах Волжско-Свияжского междуречья: структурно-семантический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. II. С. 93-97.
3. **Кирилина А. В.** Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 1999. 189 с.
4. **Cameron D.** Verbal Hygiene. London – N. Y.: Routledge, 1995. 264 p.
5. **Corbett G. G., Fraser N. M.** Default Genders // Gender in Grammar and Cognition / ed. by B. Unterbeck, M. Rissanen. Trends in Linguistics. Studies and Monographs (124). Berlin – N. Y.: Mouton de Gruyter, 2000. P. 55-97.
6. **Gender in Grammar and Cognition** / ed. by B. Unterbeck, M. Rissanen. Trends in Linguistics. Studies and Monographs (124). Berlin – N. Y.: Mouton de Gruyter, 2000. 836 p.
7. **Hurskainen A.** Noun Classification in African Languages // Gender in Grammar and Cognition / ed. by B. Unterbeck, M. Rissanen. Trends in Linguistics. Studies and Monographs (124). Berlin – N. Y.: Mouton de Gruyter, 2000. P. 665-688.
8. **Key M. R.** Male / Female language. The Scarecrow Press, Inc. Metuchen, N. J., 1975. 196 p.

9. **Lakoff G.** Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago – London: The University of Chicago Press, 1990. 614 p.
10. **Leiss E.** Gender in Old High German // Gender in Grammar and Cognition / ed. by B. Unterbeck, M. Rissanen. Trends in Linguistics. Studies and Monographs (124). Berlin – N. Y.: Mouton de Gruyter, 2000. P. 237-258.
11. **Olivares C.** Sex and Language // The Encyclopaedia of Language and Linguistics / ed. by R. E. Asher, J. M. Simpson. Oxford: Pergamon Press, 1994. Vol. 7. P. 3868-3872.
12. **Romaine S.** Communicating Gender. Mahwah – N. J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1999. 409 p.
13. **Unterbeck B.** Verbal Classification and Number: A Case Study in Navajo (Athapaskan/Na-Dene) // Gender in Grammar and Cognition / ed. by B. Unterbeck, M. Rissanen. Trends in Linguistics. Studies and Monographs (124). Berlin – N. Y.: Mouton de Gruyter, 2000. P. 401-460.

ON QUESTION OF RELATEDNESS OF BIOLOGICAL SEX, GRAMMATICAL GENDER AND GENDER

Vasil'eva Inga Borisovna, Ph. D. in Philology
Immanuel Kant Baltic Federal University
inga_vassilieva@hotmail.com

The article studies the question of correlation between gender dichotomy (femininity / masculinity) with the dichotomy of grammatical gender in languages (feminine/ masculine). The theory of semantic symbolism is considered from a critical point of view. It is proved by the material of the examples of nouns morphological classifications from different languages that biological determinism is not a factor that adequately explains the origin of gender category in language. Consequently, it is crucial to distinguish between the notions of grammatical gender and gender in contemporary gender studies, and to delimit these two notions from the notion of biological sex.

Key words and phrases: gender; masculinity; femininity; gender dichotomy; grammatical gender; biological sex; semantic symbolism.

УДК 811

Филологические науки

В статье рассматривается возможность применения лингвосинергетического подхода к изучению системы англоязычного поэтического дискурса, представленного малоформатными текстами заглавий стихотворений для детей. Автором выделяются базовые понятия лингвосинергетики, анализируются основные свойства поэтического дискурса как сложной саморазвивающейся системы.

Ключевые слова и фразы: лингвосинергетика; поэтический дискурс; система; малоформатный текст; хаотические колебания; самоорганизация.

Веденёва Юлия Вячеславовна

Самарский государственный университет
ulved@mail.ru

ЛИНГВОСИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МАЛОФОРМАТНЫХ ТЕКСТОВ ЗАГЛАВИЙ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ ДЕТЕЙ[©]

В современной науке о языке особый интерес представляет лингвосинергетика, в основе которой лежит междисциплинарное направление, изучающее теорию самоорганизации систем. В ходе изучения малоформатных текстов, представленных заглавиями англоязычных стихотворных произведений для детской аудитории, были обнаружены проявления системных взаимоотношений языка и действительности, поэтому представляется целесообразным описать их в терминах лингвосинергетики. Как показал проведенный анализ, синергичность относится к категориальным признакам изучаемых малоформатных текстов и проявляется при совокупном функционировании всех компонентов, образующих пространство заглавий англоязычных детских стихотворений.

С позиций лингвосинергетического подхода любой тип дискурса рассматривается исследователями как *сложная открытая динамическая нелинейная самоорганизующаяся система*, характерными чертами которой являются многомерность, внутренняя разнородность, структурная иерархичность [4, с. 41]. Подобная система находится в состоянии условного равновесия, регулируемого определенными параметрами порядка. Согласованное взаимодействие компонентов системы направлено к аттрактору, который представляет собой область наибольшего порядка и обеспечивает наиболее благоприятный режим функционирования. Тем не менее, открытость системы обеспечивает постоянное взаимодействие с внешней средой, что, в свою очередь, способствует возникновению хаотических колебаний (флуктуаций) и влечет переход из равновесного состояния в неравновесное. Чтобы преодолеть возникшую дезорганизацию, система мобилизует комплекс собственных самопроизвольных свойств и переходит на новый уровень своего развития.